

**Социокультурные и дидактические аспекты личной
переписки М. М. Сперанского с дочерью и британскими
родственниками супруги***

Ксения Созинова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Socio-cultural and Didactic Aspects of M. M. Speransky's
Personal Correspondence with his Daughter and British
Relatives of his Wife****

Kseniya Sozinova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article explores the connections that M. M. Speransky had with the relatives of his prematurely deceased wife, Elizabeth Jane Stephens. Her mother came from the Swiss family of Planta, who had moved to England in 1752. Methodologically, this research is based on the “new biographical history” or “new biography”, the methods of microhistory and the gender principle in biographical research. The author reconstructs the nature of Speransky's interaction with the Planta family on the basis of correspondence preserved in his collection in the Department of Manuscripts of the Russian National Library with Joseph Planta the Elder (1744–1827), Director of the British Museum, and with his son, Joseph Planta the Younger (1787–1847), who held a post in the Foreign Office. Joseph Planta the Elder was a prominent intellectual of his time, and his son was directly connected with the British Foreign Office during one of the most turbulent periods in European history, and such connections could not but leave their mark on Speransky's

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ (программа «Мой первый грант»).

** *Citation*: Sozinova, K. (2024). Socio-cultural and Didactic Aspects of M. M. Speransky's Personal Correspondence with his Daughter and British Relatives of his Wife. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 539–556. DOI 10.15826/qr.2024.2.894.

Цитирование: Sozinova K. Socio-cultural and Didactic Aspects of M. M. Speransky's Personal Correspondence with his Daughter and British Relatives of his Wife // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 539–556. DOI 10.15826/qr.2024.2.894 / Созинова К. Социокультурные и дидактические аспекты личной переписки М. М. Сперанского с дочерью и британскими родственниками супруги // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 539–556. DOI 10.15826/qr.2024.2.894.

own life. The author concludes that the maintenance of long-term links with his wife's family, with whom Speransky was not personally acquainted, testifies to the importance of these family ties, both for Speransky himself and for his daughter. Speransky actively encouraged and supported his daughter's correspondence with Barbara Planta, her grandmother's sister, and sought to provide his daughter with a European education, with an emphasis on the study of foreign languages, including English. It is concluded that the correspondence with the Planta family allowed Speransky himself to feel involved in both British and European culture, and to raise his daughter in this paradigm, instilling in her a European identity.

Keywords: M. M. Speransky, Elizaveta Speransky, Joseph Planta, British Museum, private relations, personal history

Исследуются связи М. М. Сперанского с родственниками его рано ушедшей из жизни супруги англичанки Элизабет Джейн Стивенс, мать которой происходила из швейцарского семейства Планта, переехавшего в Англию в 1752 г. Методологией исследования выступают «новая биографическая история» (или «новая биографика»), а также методы микроистории и гендерный принцип биографических исследований. Реконструкция характера взаимодействия Сперанского с семейством Планта проводится на основе сохранившейся в его фонде в ОР РНБ переписки с Джозефом Плантой старшим¹ (1744–1827), директором Британского музея, и с его сыном Джозефом Плантой младшим (1787–1847), занимавшим пост в Форин-офисе. Дж. Планта старший являлся видным интеллектуалом эпохи, а его сын был непосредственно связан с внешнеполитическим ведомством Великобритании в один из самых турбулентных периодов европейской истории, и очевидно, что такие связи не могли не оставить след в жизни самого Сперанского. Автор приходит к выводу, что сохранение длительных связей с членами семьи супруги, с которыми Сперанский не был лично знаком, свидетельствует о важности данных семейных уз как для самого Сперанского, так и для его дочери. Сперанский активно поощрял и поддерживал переписку дочери с Барбарой Планта, родной сестрой ее бабушки, а также стремился дать дочери европейское образование с акцентом на изучении иностранных языков, в том числе и английского. Сделан вывод, что переписка с семейством Планта позволяла Сперанскому ощутить сопричастность как с британской, так и с европейской культурой, а также воспитать дочь в данной парадигме, прививая ей европейскую идентичность.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Элизавета Сперанская, Джозеф Планта, частные связи, персональная история, эго-документы

В отечественной историографии существует обширный корпус работ, посвященных государственной и реформаторской деятельности М. М. Сперанского, но к его частной жизни исследователи обращались

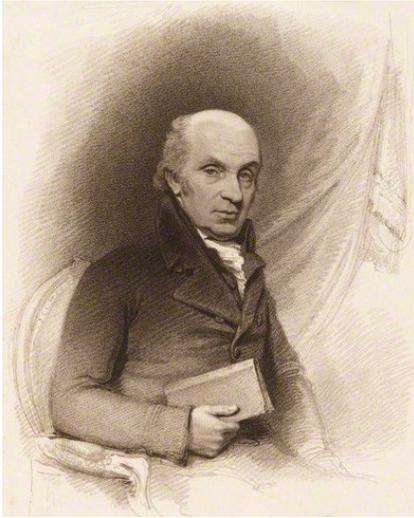
¹ Здесь и далее, чтобы исключить путаницу в именах родственников супруги Сперанского, дядя Элизабет Стивенс Джозеф Планта (1744–1827) будет именоваться старшим, а его сын Джозеф Планта (1787–1847) – младшим.

достаточно редко. На этом фоне выделяется дореволюционная биография М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (1861), который был младшим современником Сперанского и имел возможность работать с оставшимися после него бумагами и документами. Именно барон Корф после смерти Сперанского получил «приказание государя в случае кончины больного (Сперанского. – К. С.) запечатать его кабинет для отобрания бумаг, относившихся к служебным его обязанностям» [Корф, т. 2, с. 357]. Корф отмечал, что связывался со многими родственниками и людьми, близко знавшими Сперанского, для установления подлинных обстоятельств и деталей его жизни. Также в 1849–1861 гг. Корф занимал должность директора Императорской публичной библиотеки (ныне – РНБ), куда в 1857 г. дочь Сперанского Елизавета Михайловна Фролова-Багреева передала оставшийся после отца архив. Как справедливо отмечал в предисловии к новому изданию бумаг реформатора «В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872» А. Ф. Бычков, занявший пост директора библиотеки в 1882 г., его предшественник М. А. Корф пользовался большей частью доступных архивных материалов, «но, несмотря на это, они, напечатанные в целости и в совокупности, быть может, представят несколько новых данных для характеристики Сперанского и его эпохи» [В память графа, с. II]. Современные авторы обращаются к биографии, написанной Корфом, как к первоисточнику. Фрагментарно к частной жизни Сперанского обращались и современные исследователи [Томсинов; Минаева].

Брак видного интеллектуала эпохи и реформатора М. М. Сперанского с англичанкой² Элизабет Джейн Стивенс важен в разных личностных и историко-культурных аспектах, но в зарубежной историографии интерес к этому событию практически отсутствует, хотя можно выделить ряд работ, посвященных семейству Планта, из рода которого происходила Элизабет. Исследователей чаще всего привлекает фигура Джозефа Планты старшего. Следует отметить более активное внимание к этому вопросу со стороны немецкоязычных исследователей, но для них на первом месте остаются его происхождение и реконструкция англо-швейцарских интеллектуальных связей. Отдельно можно выделить работу швейцарского исследователя М. Бадиллатти, в которой приводятся подробные биографические сведения и описан научный вклад Джозефа Планты в изучение романшского языка [см.: Badilatti]. В британской историографии интерес к его фигуре удовлетворяется лишь рядом биографических статей [см., например: De Beer].

Целью данной работы является реконструкция роли британских семейных связей в жизни М. М. Сперанского на основе сохранившейся его переписки с родственниками жены со стороны матери, а именно – со старшим Плантой (1744–1827), директором Британского музея,

² Несмотря на то, что семейство Планта имело швейцарское происхождение, Элизабет Джейн Стивенс принадлежала уже ко второму поколению семьи, рожденному на территории Англии, для представителей которого английский язык являлся родным.

Ч. Пикарт. Портрет Дж. Планты старшего по гравюре Г. Эдриджа. 1812. Изображение с сайта «Archives Georg Fischer». <https://archives.georgfischer.com/>
Ch. Picart. Portrait of J. Planta the Elder based on H. Edridge's engraving. 1812

и с его сыном, которого звали, как и отца, Джозеф (1787–1847). Последний занимал пост в Форин-офисе и был личным секретарем министра иностранных дел Великобритании [ОР РНБ. Ф. 731]³.

Исследователей биографии Сперанского озадачивал его матримониальный выбор иностранки без приданого и связей, тогда как его восходящая карьера открывала более заманчивую перспективу продвижения по службе через женитьбу [см., например: Южаков, с. 19]. Брак Сперанского был коротким и весьма драматичным. Его молодая супруга умерла вскоре после родов. Он глубоко переживал потерю жены и так больше и не связал себя узами брака, единственным его утешением стала дочь: «никто и ничто не даст уже мне участия на сей земле, где привязан я одною

только дочерью и где каждую минуту теперь чувствую, что такое жить по необходимости, а не по надежде» [цит. по: Корф, т. 1, с. 77]. Любовь к жене Сперанский перенес на ее близких, укрепляя и поддерживая семейные связи с британскими родственниками.

Его знакомство с будущей супругой состоялось в доме у А. А. Самборского⁴. В конце 1760-х гг., будучи в Лондоне⁵, Самборский познакомился со многими выдающимися интеллектуалами своего времени. Среди них был руководитель отдела рукописей Британского музея Джозеф Планта. Впоследствии последнему пришлось просить Самборского о посредничестве в устройстве судьбы своей овдовевшей сестры Элизы Стивенс (в девичестве Планта) в России, которая

³ В фонде РНБ № 731 (Сперанский М. М.) письма отца и сына Планта объединены в одно дело, тогда как они были написаны разными людьми (письма от 1807, 1816, 1817 гг. принадлежат перу старшего Планты, а письма, подписанные ведомством иностранных дел за 1822 и 1826 гг., младшему. Автором данной работы ранее уже предпринималась реконструкция частной жизни Сперанского на основе сохранившихся писем к нему его невесты и жены Элизабет Джейн Стивенс [см.: Созинова].

⁴ В биографии Сперанского М. А. Корф приводит интересную версию семейной мифологии: «По семейным преданиям, Елисавета Стивенс, родившаяся во время пребывания Самборского в Лондоне, была его крестницей, и по этому случаю Сперанский, когда выбрал себе ее в невесты и испрашивал на брак свой благословление родителей, писал им, что после давнего знакомства с протоиреем Самборским провидение соединяет их с ним теперь родством» [Корф, т. 1, с. 72].

⁵ В Лондоне А. А. Самборский был назначен с начала псаломщиком (с 1765 г.), а затем настоятелем Русской Успенской церкви (1769–1780).

и перевезет в Петербург своих дочерей Элизабет и Марианну и сына Фрэнсиса. Самборскому удалось устроить ее гувернанткой в один из лучших домов в России – к графу А. П. Шувалову.

Реконструкция социальных связей родственников Элизабет Стивенс может отчасти пролить свет на проявление интереса Сперанского к юной особе, не имевшей состояния, но происходившей из семьи с богатой интеллектуальной традицией, и выявить обстоятельства сохранения длительных связей между семьями. Более четверти века Сперанский поддерживал связь с лондонскими родственниками супруги, с которыми даже не был лично знаком⁶. В этой переписке также с детства участвовала его дочь Елизавета, что вписывается в концепцию важности семейных ценностей и формирования у Сперанского чувства сопричастности к британской культуре и самоощущения себя как человека «внутри европейской культуры». М. А. Корфф отмечал, что Сперанский за время непродолжительного брака «усвоил себе многие привычки английской домашней жизни, которым оставался верен до гроба» [Корфф, т. 1, с. 74].

Джозеф Планта старший и Британский музей

Швейцарское семейство Планта было издавна связано с педагогической, наставнической и воспитательной деятельностью. Отец Джозефа Планта старшего Андреас Планта (1717–1773) работал при дворе Карла Вильгельма Фридриха маркграфа Бранденбург-Ансбаха (1712–1757) и его супруги Фридерики Луизы Прусской (1714–1784), младшей сестры Фридриха II (1712–1786), в качестве воспитателя наследного принца Карла Александра (1736–1806) [Badilatti, S. 9]. Семейство Планта переехало в Англию в 1752 г., когда Андреас Планта получил должность проповедника в немецкой реформатской церкви в Лондоне. Благодаря знанию языков в 1758 г. он стал помощником библиотекаря Британского музея. В 1770 г. он был избран членом Лондонского Королевского общества (F. R. S.) [De Beer, p. 11–12]. Помимо этого Андреас Планта занимался частной преподавательской деятельностью, которая позволила его детям поступить на службу в лучшие британские дома: он обучал итальянскому языку королеву Шарлотту, супругу Георга III, и французскому – Мэри Элеонору Боуз, будущую графиню Стратмор и Кингхорн. Четыре из шести дочерей⁷

⁶ Елизавета Сперанская встречалась с родственниками в Англии в 1840 г., о чем свидетельствуют ее воспоминания, составленные по запросу М. А. Корффа, когда он работал над биографией Сперанского [РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Ед. хр. 555. Л. 7].

⁷ Известно об одном сыне Джозефе и шести дочерях Андреаса Планта: старшая дочь Анна, возможно, эмигрировала в Америку; Фредерика (ок. 1751–1778) и Маргарет (ум. 1834) служили гувернантками при королевской семье; Элизабет (позднее – миссис Пэриш) (1740/41–1823) работала гувернанткой при Мэри Элеоноре Боуз; Анна Элиза (ок. 1757–1816, позднее Элиза Стивенс или, как ее называли в России, Елизавета Андреевна) заменила свою сестру у Боузов в июле 1776 г.; Урсула Барбара (1760–1834) упоминается в завещании Мэри Элеоноры Боуз, в поздние годы жила в сельской местности вместе с Маргарет [Moore, p. 340; Hartmann, S. 207].

Андреаса Планты связали свою жизнь с педагогической деятельностью и стали гувернантками, в частности, участвовали в обучении и воспитании дочерей короля Георга III [см.: Fraser].

Сыну Джозефу пришлось пойти по стопам своего отца и начать карьеру в Британском музее⁸. Как и отец, уже в 1774 г. он стал членом Королевского общества [Voas Hall, p. 9]. Начиная с 1776 г. в течение более двух десятков лет Дж. Планта занимал должность руководителя отдела рукописей Британского музея. После смерти старшего библиотекаря Чарльза Мортон в 1799 г. Георг III назначил Дж. Планта на эту должность. М. Бадиллатти отмечает: «В качестве старшего библиотекаря Планта фактически займет должность директора Британского музея» [Badilatti, S. 12]⁹.

Дж. Планта старший внес значительный вклад в реформирование Британского музея. До того, как он вступил в должность главного библиотекаря, музей являлся скорее элитарным тайным сообществом, нежели публичным учреждением [Ibid.]. Он был открыт для посещений всего три часа в день, а вход осуществлялся только по лично утвержденному заведующим письменному заявлению. В час допускалось одновременно не более десяти посетителей. Планта неоднократно пытался ослабить правила доступа, однако этот процесс затянулся вплоть до 1808 г., когда произошла «официальная либерализация» правил посещения музея [Howald, S. 124]. Вследствие этого увеличилось количество посетителей в читальных залах с 200 в 1799 г. до 515 в 1820 г. [Beer, p. 13]. Еще более успешной оказалась либеральная политика Планты в организации художественных выставок: в 1805 г. их посетило почти 12 тыс., а в 1817 г. – 40 тыс. чел. [Ibid., S. 124]. Не менее эффективной стала и деятельность Планты по расширению музейных коллекций. Именно при нем Британский музей приобрел розеттский камень (1802), а также скульптуры Парфенона из Афинского акрополя (1817) [Ibid.].

8 июня 1814 г. Британский музей посетил Александр I вместе со своей сестрой Екатериной. Этот факт зафиксировал журнал “Gentleman’s Magazine”, в котором был опубликован «Дневник действий союзных государей», где посещение Британского музея занимает всего одну строчку из насыщенного распорядка дня российского императора [Gentleman’s Magazine, vol. 115, p. 613]. Однако в небольшой статье в «Биографическом словаре», посвященной Дж. Планта, упоминается именно этот эпизод как самый яркий момент его биографии.

⁸ Важной вехой в образовании Дж. Планты стала учеба в Утрехте и Геттингене, где он изучал право и филологию, надеясь на дипломатическую карьеру. В Брюсселе он служил секретарем британского министра, позднее был назначен казначеем Британского армейского управления в Лондоне. Однако «преждевременная смерть его отца Андреаса в феврале 1773 г. открывает в тот момент 29-летнему Джозефу возможность унаследовать должность, которую отец занимал в Британском музее с 1758 г.» [Badilatti, S. 11].

⁹ Здесь и далее перевод архивных и опубликованных источников на русский язык автора статьи.

Дж. Планте выпала честь познакомить русского императора с национальной коллекцией, при этом последний заметил, что фонды Парижского музея представляют более ценные экспонаты, на что Планта парировал: «Вашему величеству следует учитывать, что у нас нет ничего, что было бы приобретено нечестным путем» [A Biographical Dictionary, p. 275].

Предпринятые Дж. Плантой реформы Британского музея соответствовали духу времени, они фиксируют переход к новому пониманию культуры, которая постепенно утрачивала свой элитарный характер и становилась массовой или демократической. Широкий доступ к музейным коллекциям и библиотеке открывал для посетителей новые образовательные возможности, недоступные ранее. Стремление к реформированию и преобразованию действительности во многом роднило Дж. Планту и М. М. Сперанского, они были близкими по духу людьми. Дж. Планта был не меньшим реформатором, чем Сперанский, хотя и в одной отдельно взятой области.

Для семейства Планта было характерно повышенное внимание к лингвистической подготовке, включавшей обучение детей древним языкам. Как указывают биографы Дж. Планты старшего, он владел в равной степени четырьмя языками (романшским, немецким, итальянским, английским), к которым очень рано прибавился французский [Badilatti, S. 9]. Это же относится и к сестрам Джозефа, которые росли в полилингвальной среде, с оговоркой, что девочек в Англии было не принято обучать древним языкам. Фредерика Планта владела семью языками, включая латынь и греческий, что выгодно выделяло ее среди претенденток на службу гувернанткой при королевской семье [Fraser, p. 24]. Мать Элизабет Стивенс знала, помимо английского, итальянский и французский, об этом сообщил А. А. Самборскому Дж. Планта старший, когда пытался устроить ее на службу в Смольный институт [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2323. Л. 2].

Сперанский также желал, чтобы его дочь свободно владела этими языками. Елизавета достаточно хорошо владела английским. Наибольшую проблему для нее представлял итальянский язык, и Сперанский настаивал, чтобы она его непременно освоила. На этот вопрос он неоднократно обращал внимание в письмах к дочери из Сибири:

Итальянский твой язык есть последняя черта моих о тебе желаний. Окончив ее, кажется, все будет окончено, что было начато, и без тщеславия можно быть покойным. Ты не отстанешь от своего века, сколько бы ход образования его ни был обширен и стремителен. Все двери познаний, все источники чистых удовольствий тебе открыты [Письма Сперанского, с. 194–195].

Немалое место в жизни Сперанский отводил религии, познание которой также было тесно связано с лингвистической подготовкой. Он настаивал на том, что дочери необходимо продолжать читать

Евангелие, и обращался к ней: «и весь вообще Новый Завет на славенском, а не на русском языке. В местах или в словах затруднительных тебе легко определить смысл по английскому» [Письма Сперанского, с. 43]. Сам он тоже владел английским, но не в совершенстве, в отличие от французского, что доказывают сохранившиеся черновые ответы Сперанского на английском языке на письма британских миссионеров в Сибири. М. А. Корф полагал: Сперанский был убежден, что англичанки – это лучшие на свете гувернантки. За его новорожденной дочерью была вызвана ухаживать няня его супруги¹⁰, а к внуку Михаилу также впоследствии была нанята англичанка Сара Бенсон [Корф, т. 2, с. 291–292]. Сперанский задействовал все свои связи на этапе отправки гувернантки из Англии, что было непростым делом.

Елизавета Сперанская также попробует себя на педагогическом поприще, хотя известность ей принесет литературное творчество, в том числе и для детей. В своем письме 1819 г. из Иркутска Сперанский отмечает: «поздравляю тебя в звании учительницы детей. Весьма не худо учить и лучший способ учиться. Ты будешь со временем Miss Edgeworth»¹¹ [Письма Сперанского, с. 30].

Переписка М. М. Сперанского со старшим и младшим Планта

Тяжело пережив утрату супруги, М. М. Сперанский так и не женился повторно. Центром его маленькой вселенной стала его единственная дочь Елизавета, а ее воспитание и образование, устройство ее судьбы стали его жизненными приоритетами. Сперанский пытался восполнить отсутствие матери в жизни дочери присутствием в ней других ее близких родственников – бабушки и тетушки Марианны. Переписка со старшим и младшим Плантами свидетельствует о важности для него сохранения валентности семейных связей. Вовлекая в переписку свою дочь, он давал ей возможность соприкоснуться с миром ее матери, почувствовать сопричастность с ее родной культурой, которую уже в полной мере не могли передать ее бабушка и тетя, долгое время жившие в России. Кроме того, сам Сперанский видел в Дж. Планте старшем равного интеллектуального партнера. Их отцы, выходцы из священнического сословия, блестяще владели французским и оба были увлечены идеями реформирования общества.

Меньше всего известно о судьбе младшей сестры Дж. Планты старшего Урсулы Барбары Планта (1760–1834), предположительно, она не работала, а в поздние годы жила со своей сестрой Маргарет

¹⁰ М. А. Корф указывает, что мисс Джойс присматривала за детьми Элизы Стивенс в Англии и привезла их в Санкт-Петербург, когда на это было получено разрешение графини Шуваловой. Неизвестно, почему дети находились на ее попечении, а не на попечении семейства Планта. Позднее мисс Джойс вышла замуж за мастерового канатной фабрики англичанина Скота в Санкт-Петербурге. После ее свадьбы Элизабет и Марианна были помещены в частный пансион [Корф, т. 1, с. 69–70].

¹¹ Мария Эджуорт (1768–1849) – английская писательница, эссеист, публицист.

в сельской местности. Она упоминается в письмах Дж. Планты к Сперанскому, также она состояла в переписке с дочерью Сперанского Елизаветой, однако неизвестно, насколько регулярной была данная переписка. В своем письме к дочери из Иркутска от 25 ноября 1819 г. Сперанский пишет:

С великим удовольствием читал я англинское письмо твое; оно и дельно, и прекрасно; я уверен, что tante Varbe за чаем прочитает его всем своим приятельницам. В Англии письмо из России есть уже вещь примечательная, а письмо от племянницы и англинское есть и предмет самолюбия; когда же к сему и пензенский платочек, то из сего выйдет... уже действительный праздник. Я представляю себе, как старый Planta, потирая очки, будет искать на карте, где Пенза [Письма Сперанского, с. 62–63].

Из этого небольшого отрывка следует, что переписывались они хоть и не очень часто, поскольку получение письма из России приравнивалось к редкому празднику, но достаточно регулярно. Действительно, в переписке между Россией и Англией случались большие перерывы, так, в письме от 4 сентября 1807 г. Дж. Планта старший извиняется:

...Хотя дата вашего последнего письма, которое вы написали мне, датируется 10 апреля прошлого года, я должен заверить вас, что мой столь поздний ответ не является следствием ни небрежности, ни равнодушия. Дело в том, что оно пришло ко мне только 16-го числа прошлого месяца, и моя сестра Барбара получила письмо от мадемуазель, вашей дочери¹²; поскольку я был в деревне, я подумал, что должен дождаться ее ответа, прежде чем отправлять посылку в Петербург¹³ [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 1].

Планта часто жалуется на свое здоровье: «Мое здоровье и здоровье всей моей семьи настолько крепкое, насколько позволяют обстоятельства. Я и моя жена... ощущаем не что иное, как дряхлость» [Там же. Л. 1 об.]. Здесь же Планта упоминает и об успехах своего сына:

Что во многом добавляет нам счастья, так это отличное поведение нашего дорогого сына. Его заслуги, непрерывные и достойные, только что принесли ему назначение на должность заместителя государственного секретаря в департаменте иностранных дел [Там же. Л. 1 об. – 2].

Очевидно, что сохранился не весь корпус переписки, потому что в письмах Сперанского к дочери за 1821–1824 гг. часто упоминаются письма и посылки с книгами из Англии, в основном от Барбары

¹² На тот момент дочери Сперанского было всего восемь лет.

¹³ Здесь и далее перевод писем с французского языка выполнен Софьей Владимировной Робенко.

Планта к Елизавете. Сперанский активно поощрял и поддерживал данную переписку, организуя доставку писем с миссиями в Лондон и отправку писем из Англии дочери, когда они проживали раздельно.

Тяжелым событием, которое снова связало две семьи, стала смерть тещи Сперанского. В письме от 8 апреля 1816 г. Планта сокрушается:

Я только что узнал из письма моей дорогой племянницы, вашей любезнейшей дочери, моей сестре Барбаре о потере, которую мы только что понесли из-за смерти моей сестры, вашей тещи. <...> Примите, пожалуйста, мои искренние соболезнования по этому поводу и пожелания, чтобы Вам долгое время были чужды подобные несчастья. Мадемуазель ваша дочь, чье очаровательное письмо чрезвычайно заинтересовало всех нас, должно быть, горюет из-за этой невосполнимой потери. Ее покорность воле Всевышнего, несомненно, оказала на нее сильное влияние; и чувства, которыми она руководствуется по отношению к вам, я убежден, оживили в ней энергию убежденности в исполнении его долга перед Вами, что будет бесконечно способствовать ее утешению.

В вышеупомянутом письме к моей сестре говорится, что мой племянник Фрэнсис, по-видимому, желает вернуться в эту страну. Я прилагаю письмо для него, чтобы убедить его не думать о подобном поступке. Из письма мадемуазель Сперанской следует, что она предполагает, что ему будет лучше оставаться под вашей защитой и что Вы готовы предоставить ее ему. Что если при небольшом доходе, который ему принадлежит, будет какая-то зависимость от его содержания, я с радостью предложу разделить ее [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 3–3 об.].

В последние годы у Сперанского с тещей были напряженные отношения, а ее характер с возрастом стал еще более тяжелым. Корф отмечает:

...Характер г-жи Стивенс, еще более раздражившийся от несчастий, постигших ее и ее зятя, в деревенском уединении сделался несноснее, чем когда-либо, и приводил в отчаяние весь дом. Страшась дурного влияния этого характера на свою дочь, вероятно, и сам потеряв всякое терпение, Сперанский решился отправить тещу в Киев к ее племяннице, жившей там... Г-жа Стивенс выехала из Великополья почти против своей воли; но зять сделал для нее все, что только позволяли (его. – К. С.) небогатые средства [Корф, т. 2, с. 99].

В письме к П. Г. Масальскому Сперанский признается:

Вам известно, что я давно желал расстаться с Елизаветой Андреевн. После многих усилий успел я наконец дело сие привести к концу. Послезавтра она отправляется, и навсегда уже, в Киев. <...> Я даю ей порядочное содержание, то есть на первый год наличными вперед 5 т. р., а в последующие буду ей доставлять от 2 до 3 тысяч рублей. <...> Ника-

кие жертвы для меня тут не дороги; я уверен, что и вы тех же мыслей. Таким образом, вы найдете здесь одну хозяйку, Лизу, и эта хозяйка рада будет вам душевно, ибо никогда она не разделяла ни чувств, ни нравов первой [Дружеские письма, с. 73].

Теща Сперанского умерла достаточно скоро, в начале 1816 г., и «за несколько дней до кончины она глубоко покаялась и с искренним сокрушением говорила о своем прошедшем» [Корф, т. 2, с. 100]. Основной темой переписки между Сперанским и Дж. Плантой старшим после смерти в 1816 г. Элизы Стивенс стал в том числе и вопрос о попечении над ее сыном Фрэнсисом, который был нездоров. М. А. Корф характеризовал его как «полупомешанного»:

Фрэнсис, о котором Сперанский часто упоминает в семейных своих письмах, был род идиота в моральном отношении. Сперанский всегда содержал и призривал его на свой счет, и г-жа Стивенс возила его с собою вслед за изгнанником в Нижний и в Пермь [Там же, т. 1, с. 68].

Из писем обоим Плантам также очевидно, что их беспокоило душевное состояние Фрэнсиса, который после смерти матери остался под опекой Сперанского¹⁴.

Очевидно, что Дж. Планта старший был хорошо осведомлен и о карьерных перипетиях самого Сперанского. В письме от 4 сентября 1807 г. он отмечает: «я не перестаю быть уверенным в продолжении вашей карьеры, которое небеса вам обеспечат на долгие годы» [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 1–1 об.].

Письма Сперанского были не единственным источником информации о русском родственнике, которая была доступна Планте старшему. Исходя из их содержания можно сделать вывод, что периодичность переписки составляла лишь несколько писем в год. Дочь Сперанского поддерживала с тетюшками более тесную переписку. Последние новости о карьере Сперанского Планта старший получал и от своего сына. В ноябре 1816 г. тот прислал отцу из Ирландии, где он находился с лордом Каслри, известие

...о событии, преисполненном справедливости, которое произошло с Вами, и о том, что Ваши заслуги и Ваш характер наконец-то заслужили Вам блестящую карьеру. Следуя известной поговорке «После туч выходит солнце», я убеждаю себя, что Вы вернете блеск, который когда-то окружал Вас. Пусть небеса даруют Вам все средства для здоровья и бодрости, которые будут полезны, если не необходимы в Вашем новом положении [Там же. Л. 4].

¹⁴ Удивляет факт, что Фрэнсис выступал свидетелем на свадьбе Сперанского и своей сестры Элизабет (1798), о чем свидетельствует его подпись в журнале регистрации браков англиканской общины Санкт-Петербурга [РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 1. Ед. хр. 2. Л. 122 (запись № 1723)].

Речь идет о назначении Сперанского пензенским гражданским губернатором в августе 1816 г. после длительного периода опалы.

Кроме обмена новостями, нередким явлением были и посылки из Лондона, доставлявшиеся при посредничестве британского посольства в Санкт-Петербурге и частным образом. В 1816–1817 гг. Дж. Планта отправил Сперанскому несколько книг, в том числе «Историю швейцарской конфедерации» и «Календарь садовника Маве»¹⁵ «для моего племянника Фрэнсиса» [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 6]. Сперанский активно интересовался зарубежными изданиями, и, возможно, часть из них он получал через Дж. Планта. В 1816 г. тот собирался отправить Сперанскому «каталог из хранилища одного довольно авторитетного книготорговца, где вы найдете, осмелюсь сказать, все новые книги с некоторой репутацией» [Там же. Л. 4 об.]. Планта находился в самом центре интеллектуальной жизни Лондона и, безусловно, был авторитетным знатоком литературных новинок столицы. Он замечал:

...что больше всего отличает наш век, так это путешествия и топографические описания¹⁶. Дайте мне список того, что, по Вашему мнению, может Вам подойти, и если найдется что-то, что покажется мне недостойным Вас, я поделюсь с Вами своими сомнениями. <...> Самые выдающиеся поэты – это лорд Байрон, нечестивый человек, но с необычайным остроумием, Вальтер Скотт, Саути, Кэмпбелл. Историки тоже довольно отличились. Гиббон при всей своей пресловутой неверности, безусловно, является автором первого порядка. Фокс создал мемуары Якова II, которые, несмотря на его небрежность как писателя, привлекают к себе внимание. Берк, несомненно, один из наших лучших писателей. Произведения Горация Уолпола сейчас в моде [Там же. Л. 4 об. –5].

В письме к дочери от 24 октября 1822 г. Сперанский отмечал: «Английские наши книги наконец пришли: как скоро получу их из таможни, то начну пересылать к тебе по частям с почтою» [В память графа, с. 563]. Следует отметить, что его интересовали отнюдь не популярные романы, а труды, посвященные философии, государственному делу, истории и религии. Анализ сохранившихся

¹⁵ Вероятно, речь идет о популярном в Англии «Календаре Мавэ» для садоводов, впервые опубликованном в 1767 г. В письме от 1816 г. уточняется, что это последнее двенадцатое издание календаря, к которому прилагаются семена. В Англии в этот период наблюдалось повсеместное увлечение ботаникой, которое разделяла и семья Планта. Возможно, тетушкам Фрэнсиса казалось, что подобное хобби сможет увлечь их нездорового племянника.

¹⁶ Дж. Планта в этой связи упоминает таких английских писателей и путешественников, посетивших Россию, как Уильям Кокс (1747–1828) и Эдвард Кларк (1769–1822). У. Кокс был известен благодаря «Путевым запискам от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II» (1784), а Э. Кларк – благодаря многотомной работе «Путешествия по различным странам Европы, Азии и Африки» (1810–1823). Известно, что Кларк посещал и Россию, в связи с чем не вполне ясно, почему Дж. Планта в своем письме не рекомендует Сперанскому данную работу.

в фонде Сперанского рабочих бумаг демонстрирует наличие выписок из трудов британских интеллектуалов Аддисона, Джонсона, Свифта [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 894]. Также встречаются выписки из «Эдинбург ревью», «Блэквудс Эдинбург мэгазин» [Там же. Ед. хр. 898. Л. 1; Ед. хр. 899. Л. 1–2]. «Очевидно, что взгляды Сперанского на государство и право складывались в том числе и под воздействием англосаксонской общественно-правовой мысли. Сперанский активно интересовался и вопросами теологии, обращаясь к трудам английских богословов» [Созинова, с. 418], например, сохранились его выписки из работы британского востоковеда и богослова Эдварда Покока (1604–1691) [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1823]. Кроме того, в его переписке с дочерью постоянно упоминаются и другие книги и журналы, которые он выписывал из Англии и покупал у местных квакеров:

...посылаю тебе 3 номера *Quarterly Review* и потом буду по мере присылать остальные. Не возвращай мне их: надеюсь в мае читать их вместе с тобою. Буду также присылать и *Edinbourg Review* по мере [того], как сам буду просматривать [В память графа, с. 607–608].

Елизавета занималась переводами, в том числе английских книг, и Сперанский помогал ей править тексты.

В 1820-е гг. в связи с преклонным возрастом Дж. Планты старшего в переписку со Сперанским вступил уже его сын. В отличие от отца, ему удалось сделать дипломатическую карьеру. В 1802 г. в 15-летнем возрасте он получил приглашение от барона Хоксбери (лорда Ливерпула) на должность клерка Форин-офиса. Талантами Планты заинтересовался и Дж. Каннинг, назначивший его личным секретарем. Данный пост Планты занимал вплоть до его отставки в 1809 г. Сменивший Каннинга лорд Каслри также оставил младшего Планту в своей команде. Тот сопровождал его в качестве личного секретаря в миссии к союзным монархам в 1813 г., на Венский конгресс 1815 г., затем в Париж во время подготовки подписания мирного договора в ноябре 1815 г., а также в 1818 г. на Конгрессе Священного союза в Экс-ла-Шапель [The Gentleman's Magazine, vol. 182, p. 86]. В момент вступления в переписку со Сперанским он занимал пост заместителя министра по иностранным делам, на этой должности он находился с 1817 по 1827 г. Дж. Планта младший и Сперанский как люди одного круга, связанные государственной службой, имели много общих точек соприкосновения.

Поводом для вступления в переписку со Сперанским Дж. Планты младшего стал не только преклонный возраст его отца, на который последний постоянно ссылался в переписке. В письме от 20 января 1822 г. Дж. Планта отмечает, что решился лично написать Сперанскому после того, как получил его сообщение от посла Великобритании в России Чарльза Бэгота, а также от русского посла в Лондоне

Х. А. Ливена по его возвращении из России. Х. А. Ливен¹⁷ вместе с подарком от русского правительства передал ему письмо от дочери Сперанского. После этого у Дж. Планты младшего не оставалось выбора, кроме как выразить свою признательность в письменном виде.

Основным поводом для переписки все так же выступила судьба «бедного кузена Фрэнсиса», который желал вернуться в Англию, но никто из семейства Планта не был готов взять над ним попечение. Все время после смерти тещи Сперанского он находился под его опекой. В одном из писем к дочери от 3 октября 1822 г. Сперанский так описывает свой опыт общения с Фрэнсисом:

В воскресенье был у меня Францис: и дал я ему несколько денег и увоился, чтоб он являлся у меня каждое воскресенье. Я нашел секрет с ним говорить: пишу на лоскуточке бумаги, а он отвечает мне на словах [В память графа, с. 559].

Вопрос попечения над Фрэнсисом тревожил и Дж. Планту младшего, очевидно, что написание подобного письма-просьбы от 25 апреля 1826 г. далось ему нелегко:

Если бы я полагал, что осуществление этого намерения (переезда в Англию. – К. С.) может способствовать счастью моего кузена или сделать его состояние более сносным, я бы не оказал ему никакого сопротивления; но я глубоко убежден, что такой шаг имел бы совершенно противоположный эффект. Мой отец и мои тети в настоящее время находятся в том возрасте, когда отдых и спокойствие им не только подобают, но и абсолютно необходимы. Они сами нуждаются во всем внимании и утешении, которые мы можем им предложить. Итак, рассудите, в состоянии ли они предоставить это кому-то другому, и особенно такому человеку, как мой двоюродный брат, который так в этом нуждается, при всей его привычке к Вашему вниманию и вниманию Вашей милой дочери, которые Вы ему уделили.

Что касается меня, то нет необходимости говорить Вам, Вам, кто так хорошо разбирается в делах (государственной службы. – К. С.), что мое время полностью поглощено попытками выполнить умножающиеся и постоянно растущие обязанности занимаемой мной должности, и мне постоянно приходится сожалеть, что в моем распоряжении так мало времени, чтобы посвятить себя заботе, которой я обязан своей семье. Таким образом, приезд моего кузена Фрэнсиса значительно увеличил бы мои трудности, и в то время как он сам нашел бы здесь только приумножение всех своих бед, его пребывание причинило бы нам только неудобства и несчастье. В России его образ жизни уже определен, и кажется, что он

¹⁷ Сам Сперанский в письме к Дж. Планте младшему от 17/29 мая 1826 г. замечает, что «граф Ливен по старой дружбе был ответственен передо мной за устное предоставление вам всей информации, которую вы пожелаете иметь» [РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1927. Л. 2].

наслаждается там всем счастьем, к которому провидение сделало его способным [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 11 об. – 12 об.].

В ответном письме от 17/29 мая 1826 г.¹⁸ Сперанский отмечает, что действительно отъезд англичанки Беллы Джойс, которая в некотором роде служила Фрэнсису горничной, усилил его желание снова увидеть Англию:

При таком положении вещей моя дочь сочла своим долгом узнать, насколько можно было бы обеспечить ему какое-то существование в Англии, если предположить, что он будет упорствовать в своих желаниях с упрямством, обычным для него. Она подумала, что вместе с остатком небольшого состояния, которое нам всегда будет удобно пополнять до той степени, чтобы избавить его от нужды, не было бы невозможно разместить его где-нибудь в сельской местности, пребывание в которой больше соответствует состоянию его здоровья, чем город, и что это будет проще [устроить] в Англии, чем в России. Именно в этом смысле она написала тете, представив ей, однако, эту идею в проекте, и всегда готова согласиться с ее мнением [Там же. Ед. хр. 1927. Л. 1–1 об.].

Также Сперанский замечает:

...Ни его (Фрэнсиса. – К. С.) плохое настроение, ни какие-либо другие соображения никогда не перевесят тот интерес, который мы к нему проявляем. Что касается его расходов, то они не очень обременительны для нас, и мы будем готовы нести их в любой стране, в которой он окажется [Там же. Л. 1 об. – 2].

Забота о Фрэнсисе демонстрирует широту души Сперанского и его следование в повседневной жизни православному морально-этическому канону, основанному на идеях ответственности, солидарности и компромисса. Следует отметить, что переезд на родину для Фрэнсиса Стивенса так и не состоялся, он умер в России в 1848 г., пережив своего благодетеля [Корф, т. 1, с. 68].

Из нескольких сохранившихся писем Дж. Планты младшего и Сперанского можно сделать вывод, что в большей степени связь продолжала поддерживаться «женскими ветвями... семьи» [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 8] и велась между дочерью Сперанского и сестрами ее бабушки; тем не менее, сам Сперанский тоже периодически отправлял небольшие послания, касавшиеся дел дочери, ее родственницам в Англию. В своем письме к Елизавете от 7 ноября 1822 г. он уведомлял ее, что «вчера ввечеру отправился в Англию Bankhead; я с ним писал к tante Barbe, чтобы сказать ей, что ты уже в Чернигове» [Корф,

¹⁸ В бумагах Сперанского сохранилась только одна писарская копия письма-ответа на последнее послание Дж. Планты младшего (в названии дела неверно фигурирует шведский историк Сьюв Иосиф Планта).

т. 2, с. 566]. Радостным поводом, продемонстрировавшим близость двух семейств, стало рождение внука Сперанского Михаила. В письме к дочери от 6 мая 1824 г. Сперанский восклицает:

Вот тебе целый пук писем из Англии, милая Елисавета. Одни из них получены с кораблями, другие и последние – с почтой. Как добрые сии люди рады явлению на свет Миши. Я писал к ним тотчас по получении первых от вас известий [В память графа, с. 686].

Сложно сказать, представляют ли сохранившиеся в отделе рукописей письма Планта весь объем переписки со Сперанским или лишь ее малую часть. Анализ же данных неопубликованных писем отчетливо свидетельствует, что М. М. Сперанский длительное время вел переписку с родственниками своей супруги, с которыми даже не был лично знаком. Достаточно рано в переписку с английскими тетушками вступила и его дочь Елисавета. Ее основным респондентом была сестра ее бабушки Барбара Планта. Исходя из содержания писем Дж. Планта к Сперанскому можно сделать вывод, что наиболее интенсивно обмен письмами шел между женскими ветвями семьи. Письма являлись не единственным коммуникационным каналом между двумя семьями, новости также передавались в частном порядке через представителей дипломатических ведомств Великобритании и России (в том числе и через Ч. Бэгота и Х. А. Ливена).

Внимание Михаила Сперанского к юной англичанке Элизабет Стивенс в свете биографий членов семьи Планта видится совершенно не случайным даже вопреки семейному преданию о том, что она являлась крестницей Самборского. Несмотря на то, что она была дочерью гувернантки, семейство Планта отличал высокий уровень образованности, его члены находились в центре интеллектуальной жизни Лондона. Джозеф Планта старший, как и его отец, был членом Королевского общества, инициатором реформирования Британского музея и реорганизации его в публичное заведение, написал несколько научных трудов по истории и лингвистике, а его сын связал свою жизнь с дипломатическим поприщем. Сохранение семейных связей с родственниками супруги позволяло Сперанскому чувствовать себя сопричастным британской и, в более широком смысле, европейской интеллектуальной культуре. После смерти супруги главным жизненным устремлением Сперанского стало воспитание дочери, и во многом поддержание связей с семейством Планта было связано с задачей продемонстрировать и укрепить в ней осознание европейской идентичности.

Библиографические ссылки

В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 / под ред. А. Ф. Бычкова. СПб. : Имп. публ. б-ка, 1872. 855 с.

Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год, с историческими пояснениями, составленными К. Масальским. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1862. 142 с.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского : в 2 т. СПб. : Изд. Имп. публ. б-ки, 1861. Т. 1. 283 с. Т. 2. 388 с.

Минаева Н. В. М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. Конец XVIII – первая половина XIX веков. М. : Собрание, 2009. 341 с.

ОР РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Ед. хр. 555; Ф. 731. Ед. хр. 894, 898, 899, 1823, 1927, 2323, 2235.

Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М. : Тип. Грачева и Ко., 1869. 253 с.

РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 1. Ед. хр. 2.

Созинова К. А. «Следы моих слез останутся на этой бумаге...»: письма Елизаветы Стивенс М. М. Сперанскому // Науч. диалог. 2020. № 8. С. 412–427. DOI 10.24224/2227-1295-2020-8-412-427.

Томсинов В. А. Судьба реформатора, или Жизнь Сперанского. М. : Норма, 2003. 272 с.

Южаков С. Н. М. М. Сперанский. Его жизнь и общественная деятельность : биограф. очерк. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1892. 88 с.

A Biographical Dictionary of the Living Authors of Great Britain and Ireland. L. : Printed for Henry Colburn, 1816. 459 p.

Badilatti M. Die altehrwürdige Sprache der Söldner und Bauern. Die Veredelung des Bündnerromanischen bei Joseph Planta (1744–1827) // *Swiss Academies Reports*. 2017. Vol. 12, № 6. 82 S.

Boas Hall M. All Scientists Now: The Royal Society in the Nineteenth Century. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1984. 168 p.

De Beer G. R. Andreas and Joseph Planta, F. R. S. // *Notes and Records of the Royal Society of London*. 1952. № 10 (1). P. 8–14.

Fraser F. Princesses: The Six Daughters of George III. L. : John Murray, 2005. 476 p.

The Gentleman's Magazine. 1814. Vol. 115 (Jan. – June); 1847. Vol. 182 (July).

Hartmann B. Beiträge zur Biographie Martin Plantas // *Bündnerisches Monatsblatt*. 1951. Heft 7–8. S. 193–207.

Howald S. Insular denken : Grossbritannien und die Schweiz : Facetten einer Beziehung. Zürich : Neue Zürcher Zeitung, 2004. 267 S.

Moore W. Wedlock: The True Story of the Disastrous Marriage and Remarkable Divorce of Mary Eleanor Bowes, Countess of Strathmore. N. Y. : Three Rivers Press, 2009. 400 p.

References

A Biographical Dictionary of the Living Authors of Great Britain and Ireland. (1816). L., Printed for Henry Colburn. 459 p.

Badilatti, M. (2017). Die altehrwürdige Sprache der Söldner und Bauern. Die Veredelung des Bündnerromanischen bei Joseph Planta (1744–1827). In *Swiss Academies Reports*. Vol. 12. No. 6. 82 S.

Boas Hall, M. (1984). *All Scientists Now: The Royal Society in the Nineteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 168 p.

Bychkov, A. F. (Ed.). *V pamyat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo. 1772–1872* [In Memoriam Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1872]. (1872). St Petersburg, Imperatorskaya publichnaya biblioteka. 855 p.

De Beer, G. R. (1952). Andreas and Joseph Planta, F. R. S. In *Notes and Records of the Royal Society of London*. No. 10 (1). pp. 8–14.

Druzheskije pis'ma grafa M. M. Speranskogo k P. G. Masal'skomu, pisannye s 1798 po 1819 god, s istoricheskimi poyasneniyami, sostavlennymi K. Masal'skim (1862) [Friendly Letters from Count M. M. Speransky to P. G. Masalsky, Written from 1798 to 1819, with Historical Explanations by K. Masalsky]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 142 p.

Fraser, F. (2005). *Princesses: The Six Daughters of George III*. L., John Murray. 476 p.

Hartmann, B. (1951). Beiträge zur Biographie Martin Plantas. In *Bündnerisches Monatsblatt*. Heft 7–8, S. 193–207.

Howald, S. (2004). *Insular denken. Grossbritannien und die Schweiz. Facetten einer Beziehung*. Zürich, Neue Zürcher Zeitung. 267 S.

Korf, M. A. (1861). *Zhizn' grafa Speranskogo v 2 t.* [Life of Count Speransky. 2 Vols.]. St Petersburg, Izdanie Imperatorskoi publichnoi biblioteki. Vol. 1. 283 p. Vol. 2. 388 p.

Minaeva, N. V. (2009). *M. M. Speranskii v vospominaniyakh sovremennikov. Konets XVIII – pervaya polovina XIX vekov* [Speransky in the Memoirs of Contemporaries. Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Sobranie. 341 p.

Moore, W. (2009). *Wedlock: The True Story of the Disastrous Marriage and Remarkable Divorce of Mary Eleanor Bowes, Countess of Strathmore*. N. Y., Three Rivers Press. 400 p.

OR RNB [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Stock 380. List 1. Dos. 555; Stock 731. Dos. 894, 898, 899, 1823, 1927, 2323, 2235.

Pis'ma Speranskogo iz Sibiri k ego docheri Elizavete Mikhailovne (v zamuzhestve Frolovoi-Bagreevoi) [Letters from Speransky from Siberia to His Daughter Elizaveta Mikhailovna (Married Name Frolova-Bagreeva)]. (1869). Moscow, Tipografiya Gracheva i Co. 253 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1689. List 1. Dos. 1. No. 2.

Sozinova, K. A. (2020). “Sledy moikh slez ostanutsya na etoi bumage...”: pis'ma Elizavety Stivens M. M. Speranskomu [“Traces of my tears will remain on this paper...”: Letters from Elizabeth Stephens to M. M. Speransky]. In *Nauchnyi dialog*. No. 8, pp. 412–427. DOI 10.24224/2227-1295-2020-8-412-427.

The Gentleman's Magazine. (1814). Vol. 115 (Jan. – June); (1847). Vol. 182 (July).

Tomsinov, V. A. (2003). *Sud'ba reformatora, ili Zhizn' Speranskogo* [The Fate of the Reformer, or the Life of Speransky]. Moscow, Norma. 272 p.

Yuzhakov, S. N. (1892). *M. M. Speranskii. Ego zhizn' i obshchestvennaya deyatelnost'. Biograficheskii ocherk* [M. M. Speransky. His Life and Social Activities. Biographical Sketch.]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”. 88 p.

The article was submitted on 22.01.2024